

ЕКАТЕРИНА
БАРСОВА

ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО

НОЧЬ НА ПЕРЕВАЛЕ
• **ДЯТЛОВА** •

Великие тайны прошлого

Екатерина Барсова

Ночь на перевале Дятлова

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барсова Е.

Ночь на перевале Дятлова / Е. Барсова — «Эксмо», — (Великие тайны прошлого)

ISBN 978-5-699-90710-6

Перевал Дятлова... Таинственная смерть девяти человек на горе Мертвецов 1 февраля 1959 года считается одной из самых странных загадок XX века. Ночью что-то сильно испугало туристов, они принялись резать палатку, выбежали на мороз и не вернулись... Прошло уже много лет, но Александра так и не смирилась с гибелью родителей во время лыжного похода 15 горах. С тех пор Саша долгое время даже смотреть не могла на лыжи, по, повинуясь внезапному порыву, решила отправиться в экстремальный лыжный тур на Урал — как раз в те места, где погибли ее родители... Группа подобралась пестрая, и между туристами еще на базе возникли разногласия. А вскоре им начали приходить странные письма с отрывками из дневника Дятлова, чья группа загадочно погибла в уральских горах... Ранее роман издавался под названием «Разгадка перевала Дятлова» под псевдонимом Екатерина Морозова.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90710-6

© Барсова Е.
© Эксмо

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Екатерина Барсова

Ночь на перевале Дятлова

© Барсова Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Книга является вымыслом, но в ней есть элементы правдивой истории...

Пролог

Благородный муж с достоинством ожидает велений неба. Низкий человек суетливо поджидает удачу.

Конфуций

Звонок вырвал его из тяжелого мутного сна. Он с трудом разлепил глаза и посмотрел в окно: плотный молочно-белый рассвет плескался за окном. Он повернул голову вправо, телефон заливался на тумбочке. Он зевнул и взял трубку, но когда посмотрел на экран дисплея, сон мигом слетел с него.

– Да? – Он откашлялся. Голос прозвучал хрипло.

– Рысь, – тихо сказали на том конце. – Все затевается снова.

– Что именно? – переспросил он, хотя уже знал ответ. Знал тем самым беспощадным внутренним чутьем, которое просыпалось в нем в минуты опасности.

– Та самая история. Начинается по новой.

Наступило молчание. Он смотрел в окно. Рассвет был белесым, как небо, выпцветшее от зноя. Хотя был не жаркий летний месяц, а декабрь. Промозглый лондонский декабрь.

– Что ты хочешь от меня?

– Ты должен быть там.

– Почему?

– Ты знаешь.

Он прикрыл глаза. В памяти возникло четкое видение. Группа людей, идущих по снегу на лыжах. Они идут один за другим...

– Ты думаешь, что...

– Ради бога! Прекрати жевать сопли. Ты должен довести это дело до конца.

Он хотел сказать, что ничего и никому не должен. Но хорошо знал, что это не так, что есть долги, которые не имеют срока давности. И отказ платить по ним чреват не просто большой неприятностью, а самой настоящей катастрофой.

– Я понял. Я там буду.

– Советую поторопиться. Все инструкции получишь уже на месте. Будем на связи.

Разговор прервался. Он с раздражением бросил телефон на кровать и резким движением поднялся на ноги.

За окном был виден собор Святого Павла. Круглый купол, гладкий, как половинка яйца.

Он смотрел на Лондон и не видел его. В памяти всплыла все та же группа людей. Теперь они уже были внутри палатки. Ночь. Сон. Снег. Холод. Он потрянул головой, и тут же в ушах раздались страшные крики, и, стиснув голову руками, мужчина застонал. Шум, крики, адский грохот и тишина... И все внезапно закончилось и погрузилось в кромешный мрак.

Глава первая

Бегущая в ночи

Человек, переживший трагедию, сам должен захотеть жить дальше. Первый шаг, искра желания должна исходить из него. И когда это происходит, начинаются неожиданности.

Николас Спаркс. «Тихая гавань»

Александра услышала детский плач и открыла глаза. Тоненький детский плач раздавался совсем рядом. Она попыталась усилием воли снова заснуть, но никак не получалось. Она поднялась с кровати и прошла на кухню.

В раковине лежали немытые тарелки. Александра включила холодную воду, но тут же машинально выключила ее. Болела голова, до нее было страшно дотронуться. Детский плач становился все громче. Мелькнула мысль, что сейчас соседи выйдут и что-нибудь сделают с ребенком: отшлепают или спустят с лестницы. Надо было что-то делать. Она направилась в коридор и, чуть помедлив, распахнула дверь. Девочка сидела на лестничной площадке на ступеньках лестницы, уткнувшись лицом в колени, и плакала. При звуке шагов Александры она даже не подняла головы.

– Ну вот что! – Александра пыталась разговаривать мягко и терпеливо. – Плакать не надо. Пойдем со мной. Может быть, ты хочешь есть? У меня остался кусок яблочного пирога. Есть теплое молоко. Или ты хочешь чай?

Девочка не отвечала.

– Но ты же не можешь сидеть вот так? Здесь холодно. У нас на лестничной площадке разбито окно. Пойдем...

Она присела около девочки и отвела ей рукой волосы с лица.

И здесь Александра проснулась. И ощутила бешеный стук сердца и горечь во рту. Она попыталась приподнять голову с подушки, но от слабости ее чуть не стошнило. Сон был таким живым, таким ярким, она еще была там, рядом с этой девочкой на лестничной площадке, и слышала ее плач, разрывавший сердце.

Когда Александре было двенадцать лет, погибли ее родители. Не вернулись из леса с лыжной прогулки. Они отдыхали у дальних родственников в небольшом уральском городке. Каждый день уходили в лес и катались там дотемна, они были заядлыми лыжниками. Александру они оставили у соседки – Лидии Григорьевны, старушки, жившей отдельно от дочери и внуков. Единственные друзья – семейная пара Шамсановых – были в отъезде. У них умерла девятилетняя бабушка в Казани, и нужно было ехать туда на похороны. Другие соседи были неблагополучными людьми, частенько выпивали и ссорились друг с другом. А этого зимнего отпуска родители ждали так долго... Поэтому было решено – ехать. Они упростили Лидию Григорьевну посидеть с Александрой, оставили ей денег и набили холодильник продуктами. Уезжали они на неделю, и как Александра их ни упрашивала – с собой не взяли. «Ну, па-а-п, – канючила она, – я же хорошо хожу на лыжах. Я вам не помешаю, я не хочу оставаться здесь одна». Голос срывался и готов был перейти в плач, когда отец наклонился к ней, брал за подбородок и смотрел в глаза.

– Сань, на лыжах ты ходишь просто отлично. Я горжусь тобой. Но взять тебя мы не можем. Никак. И не просись. Мы с мамой будем и так переживать за тебя – как ты. Но ты уже взрослая и справишься без нас эту неделю. Слушайся Лидию Григорьевну, а мы скоро вернемся.

Александра кивала головой, слезы высыхали, так и не успев появиться, но обида внутри жила. И ничего было нельзя с ней поделать.

Александра прекрасно помнила, как она впервые встала на лыжи. Ей было четыре года, они пришли в лес, там отец надел на Александру лыжи, проверил крепления ботинок и встал рядом с ней.

– Сейчас я буду тебя учить, как ходить на лыжах. Но сначала хотел бы сказать несколько слов. Лыжи – это не просто вид спорта, это борьба и покорение стихии. Снега, ветра, самого себя. Ты сливаешься с пространством и становишься его частью...

– Ген, – тихо сказала мать. – Девочка все-таки еще очень мала, нужно ли ей твое объяснение?

– Вера, это не просто нужно, это крайне необходимо. Все, что я скажу ей сейчас, запишется на подкорке мозга; даже если она чего-то и не поймет, позже мои слова всплывут в памяти, и она все осознает по-новому, по-другому.

Александра стояла и чувствовала, как невиданное ранее блаженство проникает в нее. Ослепительно белый снег, такой искристый, холодный и вместе с тем чистый, радостный. И небо, словно умытое снегом, его чистотой и свежестью.

– Лыжи, в отличие от катания на коньках или прыжков, бега с препятствиями и так далее, не скованы никакими границами. Ты паришь свободно, как птица. Только птица летает в небе, а ты – по земле. Запомни, Сань, ты летаешь по земле, и у тебя за спиной вырастают крылья. – И отец раскинул руки, как бы обнимая Саньку, маму, этот день, колко-пушистые елочки вдалеке, солнце, подернутое белесоватой дымкой. – Вот так вот, – и он слегка шелкнул Саньку по носу, – запомнила, дочур?

Санька кивнула. Внутри нее скачет сумасшедшая радость – впереди такой длинный день, который принесет много сюрпризов, много нового вроде катания на лыжах, а вечером они будут смотреть телевизор или рисовать...

– Сначала ты будешь учиться просто ходить на лыжах, не кататься, а именно ходить, чтобы научиться держать равновесие. Аккуратно переступай ногами и иди вперед.

У Саньки от разочарования оттопыривается нижняя губа. Она-то думала, что сейчас она полетит-поскользит по лыжне, как ее родители. А тут – ходить. Она недовольно сопит-пыхтит, но слушается отца, поднимает тяжелую чугунную ногу и выдвигает ее вперед. Лыжа почему-то не слушается ее, скользит, и весь мир оказывается вверх тормашками, а она лежит на земле и ревет от неожиданного падения. Отец рывком приподнимает ее с земли и ставит на ноги.

– Значит, так, запоминаешь первое правило, оно же основное и самое главное: «Капитаны никогда не плачут».

– Ну ты даешь, – смеется мать. – Капитаны – это в море.

– А это что, не море? – и отец обводит рукой белое пространство. – Это тоже море. Снежное море. А ты, Сань, капитан этого моря. И слез у тебя быть не должно, как бы тебе ни было больно, поняла? Это самое первое правило. Повтори.

И Санька громко, раскатисто во весь голос говорит:

– Пр-р-авило пер-р-вое. Капитаны никогда не плачут!

– Молодец!

И родители заливисто смеются, но маленькая Александра понимает, что они смеются не над ней, а от радости, что они собрались всей семьей, что ребенок уже вырос и со временем станет кататься вместе с ними, что они любят друг друга, любят лыжи, свою дочь Саньку...

– Шишек ты будешь набивать много и падать будешь много. Но будешь подниматься и начинать все сначала. Пока не научишься кататься так, как надо. Ясно? Продолжаем урок...

Санька была упрямой, и она упорно осваивала лыжи. Вставала, делала несколько шагов и падала, снова поднималась, шла и падала и опять вставала...

У нее осталась фотография от того времени: маленький гриб-боровичок в фиолетовом костюмчике стоит на лыжах и улыбается в объектив.

Вскоре отец уже учил ее кататься по-настоящему, по-взрослому...

– Запоминай, Сань. Встаешь на лыжню, ставишь лыжи параллельно друг другу, палки выносишь чуть вперед и, толкнувшись ими, немного продвигаешься вперед. Затем старайся скользить, дополнительно отталкиваясь одной ногой. При этом движение направляй не назад, а вниз. И наконец, отталкивайся ногами попеременно...

Она знала о лыжах все или почти все. Знала стили «классика» и «конек», знала, что такое «дуга лыж» и «зернистость снега»...

К двенадцати годам Александра ходила на лыжах наравне со своими родителями, и отец страшно гордился ею. Говорил, что у нее есть «чувство лыж». Всей семьей каждый выходной они уходили в лес на целый день и катались там до вечера. И она ничуть не уставала и была готова кататься еще и еще...

Но после гибели родителей она возненавидела лыжи, снег, зиму. И больше не вставала на лыжи. Никогда.

Родители не вернулись из уральского городка, куда они ездили к родственникам. Отец был родом из тех мест. Они сорвались нечаянно в снежную пропасть и погибли.

Санька сидела дома у Лидии Григорьевны и рисовала, когда та вошла в комнату и, вытирая глаза краем фартука, сказала ей об этом. Дальше Александра ничего не помнит. Ни похорон, ни чих-то объятий и слов утешения, которые были ей не нужны – ведь родителей было не вернуть. Таких радостных, веселых, красивых и сильных. Не вернуть их походов в лес, убегающей вдаль лыжни, которая манила за собой, слепящего ярко-белого пространства, предвкушения долгого дня и такого же долгого вечера...

Все осталось где-то там, а вот где – Санька не знала, какое подобрать этому название, – может быть, в темной камерке, запечатанной на крепкий замок, который уже никогда не открыть.

Наверное, она сошла бы с ума, если бы ее сразу не забрали к себе старые друзья их семьи – Шамсановы. Какое-то время – около двух месяцев она жила в их семье, и та забота, то внимание, которыми они ее окружили, помогли сохранить рассудок и выжить. В семье росла Лилька, почти ровесница Александры – младше ее всего на год. Лилия не отходила от нее ни на шаг, стараясь не оставлять Александру наедине с ее горем и состоянием полной апатии. Мать Лильки Карина старалась накормить Александру повкуснее, но у той кусок не лез в горло. Блюда кавказской, татарской, русской и польской кухни были необыкновенно аппетитны и источали соблазнительные ароматы. Все эти сациви, лобио, пирожки с капустой и мясом, блины, бигусы проплывали мимо глубоко равнодушной к ним Александры, что печалило Карину и ее мать Эву Станиславовну, седоволосую красавицу из знатного польского рода.

Карина, глядя на Александру, часто говорила по-грузински одну фразу. Однажды Александра попросила Лильку перевести. «Не знаю, что будет с этой девочкой дальше, ведь ей совсем не хочется жить» – означали те слова.

И с тех пор каждый раз после этой фразы у Александры в горле вставал комок.

Отец Лильки часто был в командировках, и всем домом заправляли мать и бабушка – Эва Станиславовна...

Жила Александра у Лильки недолго – два месяца, но это время запало в память.

Потом у Саньки объявились родственники со стороны отца.

Бабушка Нина Семеновна переехала в Москву из Армавира, чтобы смотреть за Александрой. Она была уже слаба, часто болела, особой близости между ними не установилось, но Александра была ей благодарна, что та возилась с ней, готовила и воспитывала, как могла. Если бы не она – Александру бы ждал детский дом. Спасибо и на том, что ее туда не сдали.

После школы Александра поступила в институт, особо не задумываясь о будущей профессии. Нина Семеновна к тому времени умерла, и Александра осталась одна.

Склонностей у нее ни к чему не было, и было совершенно все равно, где и кем в дальнейшем работать. Самый низкий конкурс был на статистическом отделении одного не самого пре-

стижного московского института, и она подала документы туда, чтобы пройти без помех. Учеба ничем выдающимся не запомнилась, друзей она не приобрела, а наоборот, сторонилась людей, словно они ей были совсем не нужны. Наверное, она была по жизни одиночкой и была способна справляться со всем, в том числе и с собственной жизнью, сама. Единственной подругой была Лилька Шамсанова, но виделись они с ней не так уж и часто, у Лильки, выросшей в настоящую красавицу, была бурная личная жизнь, в которой Лилька чувствовала себя как рыба в воде. И без череды поклонников, воздыхателей и обожателей своей жизни и не представляла.

После института Александра пошла работать, но так как она не умела и не хотела сходиться с людьми, то ей приходилось частенько менять офисы и конторы. Она нигде долго не задерживалась: то начальник был редкостная скотина, то работа – скучная и нудная, то коллектив – невыносимый, то фирма разваливалась на глазах и сотрудников отпускали в свободное плавание. Кем она только не побывала: администратором в офисе страховой компании, помощником главного бухгалтера, менеджером по продажам, операционистом в коммерческом банке, инспектором в пенсионном фонде, сотрудником рекламного агентства.

Время было беспокойное – строительство «капитализма с человеческим лицом»: одни стремительно взлетали вверх, воспользовавшись удобным случаем и моментом, другие – тихо тонули без всяких надежд на перемены к лучшему. Потребности у Александры были минимальные, и поэтому на жизнь ей хватало. Иногда, открывая холодильник, она видела там лишь кусок зачерствевшего сыра, остатки колбасы и пару яиц. С голоду не умирает – и ладно. Чего еще надо?

И с личной жизнью было – никак.

Александра была выше среднего роста, поджарой, спортивного телосложения, темные гладкие волосы она зачесывала назад и делала хвост или пучок. Серые глаза, красивой формы брови, полноватые губы, безупречно белые зубы. Тридцать два года. И за всю жизнь – двое мужчин. Кому сказать – никто не поверит. Или поднимут на смех.

Первый кавалер был из студенческой жизни, и Александра уже плохо помнила его лицо. Тонкий юноша, немного заикавшийся в минуты сильного волнения. Он привозил ей из подмосковной деревни яблоки – вкусно пахнущую антоновку. У него там жила бабушка. Она встречались с ним одну осень. Ее почему-то потянуло к нему, но уже на первом свидании она поняла, что у них ничего не получится. Просто поняла, и все. Они встречались у него на даче или в квартире, когда не было родителей, часто уезжавших в командировки за границу. Вскоре они и вовсе перебрались туда жить, взяв с собой сына. Они расстались, договорившись обмениваться по электронке письмами, но потом и эта переписка сошла на нет.

Следующий кадр был уже после окончания института, и эта связь продлилась целых два года. Он был женат – тридцатичетырехлетний выхоленный мужчина. Олег сразу предупредил Александру, что из семьи он не уйдет, так как любит своих детей. При этих словах он взял ее за руку и сказал, что они, как взрослые люди, могут все устроить так, чтобы никому не причинять боли и неприятностей. Пока он говорил, Александра смотрела на него и думала: может быть, лучше такой роман, чем никакого... Она согласилась, но вскоре поняла, что это была ошибка. Олег не рассеивал ее тоску, а только умножал и увеличивал. С ним она испытала худший вид одиночества – одиночество вдвоем. Но и порвать было страшно, ведь так у нее была хотя бы иллюзия, что есть мужчина. Эти встречи проходили раз в неделю по пятницам перед законным супружеским уик-эндом. В пятницу жена, ее звали Лариса, уходила к своим родителям, к старенькой матери и парализованному отцу. А ее муж тем временем воровато урывал моменты для своей личной жизни. Он являлся к Александре сразу после работы – в начале восьмого, проходил на кухню и ставил на стол сумку с продуктами. Этот «набор джентльмена» обязательно включал в себя коробку шоколадных конфет, красное полусладкое вино, копченую колбасу, сыр, помидоры черри и фрукты – яркие апельсины, виноград и киви. Александра пыталась объяснить Олегу, что апельсины она не любит, а от киви у нее вяжет рот. Но он

не слушал ее и приносил этот «набор» каждый раз. Олег приходил, Александра быстро накрывала на стол, они пили вино и разговаривали ни о чем, он рассказывал о своих делах, а она слушала его вполуха.

Умом Александра понимала, что нужно рвать эти отношения, и чем скорее, тем лучше, но почему-то все тянула и тянула... Но когда она сказала Олегу, что между ними все кончено, он вскинул на нее глаза и спросил: «Разве нам было плохо?» Глядя на этого уже начинающего полнеть мужчину, она чуть не рассмеялась. В его, мужском, понимании «хорошо» – это были встречи раз в неделю, скучный секс и редкие звонки с вопросами: «Как ты?» и «Как дела?» В один прекрасный момент Александра поняла, что от этих дежурных вопросов у нее уже сводит скулы. Раздельные праздники, грошовые подарки и ощущение заевшей на одном месте пластинки...

Этот разговор произошел в одном из кафе, куда Олег вызвал ее для объяснения: почему она не отвечает на звонки и избегает встреч. Александра думала: идти или не идти. Но потом поняла, что нужно сказать все в лицо, иначе он от нее не отстанет, будет звонить и добиваться внимания.

– Да, – громко сказала она. – Нам было плохо. Точнее – мне. Как тебе – не знаю. – И встала, боясь, что он окликнет ее и будет пытаться вернуть обратно. Но очевидно, в тоне, каким она сказала эти слова, было нечто, что убедило Олега в ее окончательном и бесповоротном решении – расстаться с ним.

Ее никто не окликнул, отныне она была свободна, и Александра ощутила легкость в теле и стремительность.

Она вышла-выбежала из кафе и вдруг решила не ехать домой, а пройти по бульвару.

Была осень, вечер, дождь... мокрые листья устилали Гоголевский бульвар. Начинало темнеть. Зонтика у Александры не было, но она не шла, а словно летела, у нее было чувство, что только что рассталась с чем-то надоевшим и постылым, а впереди ее ожидает нечто хорошее. Народу на бульваре почти не было, Александре вдруг захотелось распустить волосы, и она стянула резинку с волос. Дождь усилился, но она не обращала на него никакого внимания. У нее развязался шнурок на полуботинке, и она подошла к скамейке, чтобы завязать его покрепче. Неожиданно под скамейкой Александра увидела светлое пятно. Это была бездомная собака, забившаяся туда от дождя. Она посмотрела на нее без всякого выражения и снова уткнулась носом в лапы.

– Эй! – тихонько позвала ее Александра. – Ты что тут делаешь? Промокла небось? – И Александра, нагнувшись, протянула руку, чтобы погладить собаку.

Собака подняла вверх морду. Нос был мокрым, морда – тоже. Псина издала тонкий звук, похожий на сдавленный писк, и тяжело вздохнула. Александра замерла, вздох был так похож на человеческий, что ей стало не по себе. «Иди с миром, – казалось, говорил этот вздох, – ступай. У тебя – своя жизнь, у меня – своя. Ты здесь покрутилась и ушла, а мне ночевать и дневать на улице. У тебя теплый дом, а у меня мокрый асфальт. И ела я позавчера. Но кого это волнует...»

– Эй! – Александра присела на корточки и позвала собаку. – Не грусти. Все еще наладится. Жизнь – штука непредсказуемая. – И она почесала собаке за ухом. И вдруг та подползла ближе к ней и уткнулась носом в ладонь.

– Не грусти... – машинально сказала Александра... – Пожалуйста... – Она гладила ее, фонарь бросал на аллею неясные блики, и в темноте глаза собаки блестели... – Не грусти, потому что теперь у тебя наступит совсем другая жизнь... Ты будешь жить у меня. Договорились?

Собака подняла морду и недоверчиво посмотрела на Александру, словно вслушиваясь в ее слова...

– Ты меня понимаешь, да? Это хорошо... Ты у меня умная... Ну давай, вылезай, пойдем с тобой в метро... Нет, в метро нас с тобой не пустят. Возьмем такси и поедем домой. Таксист тоже может ворчать, но мы ему заплатим...

С собакой Александру взяла только третья машина. Частник расстелил на заднем сиденье большой целлофановый пакет и буркнул: «Сидите и не двигайтесь, понятно? А то все сиденье измажете...»

– Мы будем не дышать, – пообещала Александра. – Правда? – и посмотрела на собаку.

Та согласно завиляла хвостом.

«Я буду послушной, я вообще могу не двигаться...»

Всю дорогу они сидели тихо. Как мышки. Собака как будто бы и правда боялась пошевелиться... Знакомые улицы в вечернем свете были какими-то незнакомыми. Шофер затормозил у дома, где жила Александра.

– Вот мы и приехали, – сказала она собаке. – Вылезай...

Та выпрыгнула из машины и села на асфальте с чувством собственного достоинства, словно осознав свой новый статус – домашнего питомца.

Александра расплатилась с частником – тот недовольно пробурчал, что «могли бы дать и больше, учитывая животное», – и повернулась к своему новому члену семьи.

– Это наш дом. Ты теперь будешь здесь жить. – Собака слушала внимательно, подняв одно ухо. – Как же мне тебя назвать? Давай ты будешь Буськой...

Буська незаметно изменила жизнь Александры. Она вдруг поняла, что страху нельзя давать волю, с ним нужно бороться – иступленно, до конца, не давая ни малейшей поправки. Она боялась зимы, снега, предпочитая отсиживаться дома, но рядом была Буська, и нужно было выходить с ней на прогулку. Сначала вид белого пространства пугал и околдовывал Александру, она останавливалась как вкопанная и застывала на месте, но Буська лаяла, тормозила, прыгала вокруг нее, по-смешному припадая на лапы, и Александра шла за ней – сначала медленно, а потом – быстрее, увереннее.

И однажды она поняла, что тоскует по лыжам, по снегу, по открытому пространству, по лыжне...

Она достала с антресолей свои первые детские лыжи и долго смотрела на них, гладила по разошедшимся деревяшкам. Потом подошла к фотографии родителей, висевшей на стенке. Они стояли рядом, в зимнем лесу с лыжами в руках и улыбались ей.

На другой день Александра поехала в магазин – выбирать себе лыжи.

Молоденькая девушка со скучающим видом объясняла ей про лыжи, показывала их... Александра смотрела, взвешивала, примерялась.

– Это – отличная женская модель для классического хода. Лыжи сделаны из супер-легких материалов, благодаря чему вам легко будет совершать толчок, а фаза скольжения при этом будет более продолжительной... Модель может быть рекомендована как для начинающих, так и для продвинутых лыжниц, ценящих простоту управления и уверенность движения на любой скорости... – заученно говорила продавщица.

– А эти? – показала Александра на лыжи, стоявшие за ней.

– Эти будут подороже... Солидная фирма, уникальная конструкция «Актив Кап энд Стил Эйдж», отлично сочетает в себе высокую эластичность и необходимую жесткость, благодаря которой лыжник легко заходит в поворот на достаточно высокой скорости. Деревянный сердечник с воздушными каналами «Вуд Эйр» делает лыжи надежными, прочными и одновременно очень легкими.

Александра поняла, что это *ее* лыжи.

Девушка скользнула по Александре оценивающим взглядом, словно прикидывая: сможет ли она их купить.

– Я подумую, – сказала Александра. Просто требуемой суммы у нее с собой не было.

Дома у Александры хранились небольшие сбережения. Она решила купить эти лыжи, а раз приняв решение, обычно уже не меняла его. К лыжам она подобрала крепления и ботинки.

В субботу они с Буськой отправились в лес.

Встав на лыжи первый раз после долгого перерыва, Александра некоторое время просто стояла, глотая воздух, – думалось, что так и не тронется с места. Но Буська лаем призывала ее – вперед, и Александра, тяжело передвигая ноги, словно на каждой было по гире, заскользила по лыжне. Собака бежала рядом, высунув розовый язык, и одобрительно кратко лаяла. «Давай, давай! Молодец!» – подбадривала она ее.

С непривычки после болели ноги. Эти лыжные «рывки» были краткими: двести метров туда, двести обратно... И снова по этому кругу. Словно Александра боялась оторваться и отъехать подальше.

Но вот однажды... Александра оторвалась от привычного маршрута и незаметно для себя въехала в пространство, очерченное елями, – лесной коридор, в котором стрелой неслась, убегала вперед хрустящая лыжня. Нырнула туда – в эту колuche-морозную прохладу, задев нечаянно палкой ближайшую тяжелую ветвь, и легкая россыпь белейших снежинок полетела вниз... Александра вдохнула полной грудью и ощутила уже не страх, не его тягучие остатки-ошметки, а поющую легкость в теле... рванула-полетела вперед, задевая ели. Спихватилась она, когда поняла, что не слышит Буськиного лая. И тогда, затормозив, повернула назад, и когда она выехала-вынырнула из ельника, то навсегда запомнила эту картину – Буська сидела и ждала ее на полянке около небольшой горки. И ее уши так трогательно, нежно и смешно розовели в лучах заката. Собака даже не залаяла, когда Александра подъехала к ней, а подошла и одобрительно ткнулась носом в руку. Я тобой горжусь, казалось, говорила она.

Так Александра стала делать дальние вылазки на лыжах, и она уже не всегда брала с собой собаку. Та оставалась дома и ждала ее. Пока в доме была Буська, он не казался ей чужим, но два года назад Буську сбила машина.

И вот тогда одиночество навалилось с новой силой.

А сны Александры приобрели пугающую регулярность. И чаще всего ей снилось два тревожных сна: девочка, плачущая на лестничной площадке, и лыжница, бегущая в ночи по темному лесу, ветки елей хлещут по лицу, и она с трудом уворачивается от них...

После этих снов Александра просыпалась с отчаянно бьющимся сердцем и горечью во рту.

Единственное, что согревало ее и не давало окончательно погрузиться в пучину мрака и отчаяния, – была Лилька, незримо присутствовавшая в ее жизни. Лилькины сказочной красоты фотографии и письма, присылавшиеся раз в два месяца: краткие, бодрые, полные вопро- сительных и восклицательных знаков.

Лилька присутствовала в ее жизни всегда. Неоднократно она говорила, что если требуется какая-то помощь – обращайся в любое время, не стесняйся, подруга, ты же знаешь, скромность в наше время давно никого не украшает.

Александра прекрасно понимала, что по большому счету Лилька ей не подруга, а просто хороший знакомый человек из далеких времен безмятежного детства. Но у нее никого больше не было, и поэтому Лилька заменяла всех подруг вместе взятых.

Еще во времена учебы в институте Лилька была на стажировке в Германии и после получения диплома работала за границей, изредка приезжая в Москву.

Александра искренне радовалась каждому Лилькиному визиту. Чаще всего она приезжала к ней домой с полными сумками всяких деликатесов и изысканной выпивки. Лилька пила исключительно дорогие сорта коньяка и виски. В этом она была спецом в отличие от Александры, которая практически не пила, потому что боялась, что если она втянется, то уже будет постоянно прибегать к этому «утешению». Последние три года Лилька жила в Праге,

она посылала Александре письма по электронке, неизменно прибавляя в конце: «Требуется ли помощь?» В письмах Лилька кратко описывала свою жизнь, выделяя какой-нибудь ее особо красочный фрагмент вроде сногшибательного уик-энда или поездки с друзьями в какое-нибудь живописное место. Снимки при этом прилагались красочные, они составили бы честь любому международному журналу типа «Нэшнл джиогрэфик». Лилька умела выбрать выигрышный ракурс, передать красоту места, его задушевность. Все снимки Лильки славились именно «задушевностью» – мелкими детальками, приковывающими внимание. То это была бабочка, случайно севшая на плечо брутальному мачо двухметрового роста, то девчонка в кафе смотрит куда-то мимо всех – словно видит нечто, недоступное другим. Даже странно, что резкая, смешливая Лилька снимала такие романтические фотографии. Своих снимков-автопортретов она не присылала, мотивируя тем, что «постарела и подурнела», но написанное всегда сопровождалось смайликами. Так что было ясно: Лилька придуривается и хохмит.

Три года назад, когда была еще жива Буська, Лилька приехала в Москву в начале декабря, именно в это время она чаще всего и выбиралась на свою историческую родину, и с размаху, как только Александра открыла дверь, поставила на пол сумки и бросилась ей на шею, громко напевая какой-то зарубежный шлягер.

– Поздравь меня, я выхожу замуж!

– Здорово! – откликнулась Александра. – За нашего выходишь или за кого?

– За нашего, – и Лилька залилась звонким смехом. – Иностранцы все такие ску-у-учные, – протянула она своим звонким голосом. Лилька нравилась всем и вся. Счастливое сочетание разных кровей – русско-татарских, польских и грузинских – сделало ее настоящей красавицей. Блондинка с огромными темными глазами и бархатистой золотистой кожей. Широкие скулы, красивая форма губ. И в придачу женственная фигура – с изгибами и вместе с тем точеная, без грамма жирка...

Такой сияющей Александра Лильку никогда не видела. Она смеялась, шутила, потом забралась с ногами в кресло и, рассматривая на свет темно-янтарное виски, протянула внезапно севшим голосом: «Кажется, я все, отстрелялась! – И без всякого перехода: – Ты когда-нибудь любила, подруга?! По-настоящему, так, чтобы на тебя мужчина смотрел, а внутри тебя не то угольки разгораются, не то мягкая бархатная лапка стискивает сердце так, что дышать трудно. А? Я даже не знала, что подобное бывает». Острая боль пронзила Александру. Вспомнилось, как ее любовник сказал однажды, как бы мимоходом: «Ты словно ледяная: вроде бы рядом и в то же время – далеко. Иногда кажется, что ты – не здесь, а в другом месте. И тогда хочется крикнуть: «Ау, Александра, вернись!» Он сказал это без всякой злости, но именно в этот момент она вдруг поняла, что их отношения закончились, обмелели, как река после того, как половодье закончилось. Вода спала, и видны голые неуютные берега.

– Нет, не любила.

«Наверное, моя стезя – это одиночество, – подумала Александра, – и никому не дано растопить тот ледяной ком, поселившийся во мне когда-то. И надо привыкнуть к этой мысли и жить дальше, не заикливаться на этом. У кого-то цвет глаз карий, у кого-то серый, у кого-то жизнь семейная, у кого-то – одинокая. Обстоятельства моей жизни уже заданы, и глупо биться головой об стенку в надежде, что она рухнет или сломается».

– Жаль! Очень жаль... Ну что, подруга, желаю тебе испытать это чувство, потому что без него жизнь – не жизнь, а смятый листок бумаги, который и выбросить не жалко.

После этого наступила пауза, Лилька притихла, и Александре казалось, что вокруг подруги текла нежно-тягучая медовая струя любовного томления, умиротворения, которое, как она догадывалась, всегда наступает после того, как двое погрузятся друг в друга без остатка, а потом вынырнут из этого омуты – молчаливые, опустошенные, потому что все слова уже сказаны и отброшены за ненужностью. А от исступленно-страстных мгновений осталось, как драгоценный осадок, – вот это блаженное молчание, перетекающее в молитвенную благодарность

жизни. Она так и запомнила Лильку с блестящими сумасшедшими глазами. Александра даже и не подозревала, что Лилька может быть такой.

После этого Лилька снова завертелась-закрутилась в вихре своей жизни, но в свой последний приезд выглядела строже, серьезней, как будто бы в ней что-то погасло, отгорело. И взгляд иногда подергивался легкой дымкой, как озерцо первым льдом. Александра ни о чем не спрашивала, и так все было понятно. Зачем сыпать соль на раны? Лилька уехала, по-прежнему присылала ей снимки, но теперь помимо романтизма в них появилась затаенная печаль, грусть, свернувшаяся клубочком, как котенок.

Александра сидела на кухне и вспоминала свою жизнь, когда раздался звонок. Звонила Лилька, о которой та только что думала.

– Я сейчас к тебе приеду, – сообщила она сразу. – Сиди и жди меня.

При первом же взгляде на Лильку Александра поняла, что та изменилась. В ней появился легкий налет горечи. Он проскальзывал во взгляде, складке около губ, опущенных плечах.

Они сидели на кухне и пили коньяк, привезенный Лилькой.

– Я приехала сюда с женихом.

– Почему же ты не поднялась вместе с ним?

– Нет-нет. – Лилька улыбнулась, но улыбка быстро пропала, как будто бы ее стерли с лица невидимой губкой. – Кирилл остался дома. Я имею в виду приехала в Москву вместе с ним. Мы вскоре поженимся.

– Поздравляю.

Но все поздравления Александры Лилька отмела с ходу, словно она слушала их миллион раз, а в миллион первый... выслушивать было особо тягостно. Сказала только, что жить они будут за границей, у ее будущего мужа есть серьезные предложения от западных фирм. Он был неплохим специалистом в области компьютерных технологий. Они приехали сюда ненадолго, а Новый год они хотят встретить в одном экстремальном новогоднем туре, что очень романтично.

– И куда вы собираетесь? – спросила Александра.

– На Урал.

– На Урал? – переспросила она, и ей внезапно стало трудно дышать.

– Да. Тур так и называется: «Экстремальное новогоднее путешествие по Уралу». Сначала живем в лесной гостинице, а потом отправляемся в лыжный поход.

– У меня там родители... – Александра не договорила.

– Я помню, – моментально откликнулась Лилька.

Они замолчали.

Александра вдруг поняла, что хочет съездить в то место, где погибли ее родители. Более того, она *должна* туда поехать. Отдать дань памяти. *Соприкоснуться*. Она бежала от всего и прежде всего от себя. Но правду говорят, что от себя не убежишь, как ни старайся. Можно только отсрочить свидание с самим собой. Да и то ненадолго.

– Лиль! Я тоже хочу поехать с вами...

– А? – Похоже, мысли Лильки витали где-то далеко.

– Я тоже хочу в этот поход.

– Ты уверена, что это тебе надо?

– Да, – твердо сказала Александра. – Надо.

– Но ведь ты только что сказала, что там... – И она замолчала.

– Поэтому и хочу.

– По-моему, это глупо и неправильно. Я бы не советовала, подумай хорошенько, ведь я понимаю, что твоя жизнь из-за этой трагедии...

Пауза Лили разрасталась: она вбирала в себя одинокую жизнь Александры, ее неумение строить отношения с людьми, отсутствие всякой личной жизни, нежелание выйти из собственной скорлупы и зажить по-настоящему, без оглядки на прошлое.

Никто не знал, что она боролась против собственного страха, что она, преодолев панический ужас перед лыжами, встала на них, задыхаясь от приступов удушья и жалости к себе, и словно заново училась кататься по ровной местности и с горок, как ребенок – ходить, постепенно увеличивая нагрузку и темп. Ей казалось, что так она стала ближе к родителям, ведь они учили ее не бояться и преодолевать трудности. И на последней фотографии они такие счастливые, смеющиеся, с лыжами в руках. Александре казалось, что она видит снег на маминых ресницах и слышит дыхание отца.

– Ты pomoжешь мне?

– Помогу...

Но на другой день, когда Александра позвонила Лильке, та сказала, что мест в туре нет. Группа уже набрана.

– Мне жаль, что так получилось. Но может быть, и к лучшему. Мы еще увидимся, Сань. Я тебе позвоню и приеду перед отъездом. Или уже встретимся после того, как я вернусь. Посидим, отметим Новый год и мою предстоящую свадьбу. Я тебя со своим женихом тогда и познакомлю.

Они распрощались. Трубка сотового чуть не треснула от того, что Александра сильно сжала ее. Она смотрела на телефон, как будто бы видела его впервые. А потом выдохнула: «Нет». Она должна быть там. Непременно. Если группа набрана, то может быть она сумеет упросить взять еще одного туриста, Александра была готова даже переплатить – лишь бы попасть в эту группу. «Для меня это как вопрос жизни и смерти», – сказала она вслух.

По Интернету она нашла адрес офиса крупной фирмы, расположенной в центре Москвы, и направилась туда.

На улице была противная московская слякоть. Ни два, ни полтора – ни снега, ни дождя. С неба мелко и противно моросило, под ногами – хлюпало, а мокрый ветер так и норовил пробраться под куртку. От него приходилось уворачиваться и поднимать воротник куртки повыше. Александра представляла себе солидный офис, вышколенную секретаршу в мини-юбке, горячий невкусный кофе, темную мебель, неброский ковролин и «предбанник» для ожидающих с искусственной елкой, увешанной яркими игрушками. Фирма располагалась в центре Москвы, но ютилась в подворотне, найти ее было нелегко, она кружила вокруг и около, пока вынырнувший из подворотни старичок с собакой не объяснил ей, как пройти в «Глобал Тур Инвест».

В офисе этой фирмы не было ни темной мебели, ни приемной для ожидающих с журнальным столиком, заваленным буклетами, не было искусственной елки с игрушками. Фирма размещалась в небольшой комнате с двумя столами и двумя компьютерами, на стенах висели яркие плакаты с видами Турции, Таиланда и других популярных мест отдыха. А вместо елки на столе стоял стеклянный шар с домиком и снегом внутри.

Ее принимала старший менеджер фирмы Алла Бояшко – брюнетка, говорившая высоким голосом и делавшая паузы между предложениями. Очевидно, для большего «весу» и убедительности. Работа в турфирмах требовала умения убалтывать клиента и уговаривать на свой вариант. Бывает, придет клиент с одним расчетом, а уходит с другим. Она знала все эти нехитрые приемы ведения бизнеса, так как один начальник посылал ее учиться на курсы «Как стать успешным бизнесменом».

Алла Бояшко встретила вежливым «Присаживайтесь!» и придвинула к своему столу стул, стоявший в углу.

Александра села, предварительно сняв куртку и повесив ее на вешалку; отказалась от чая-кофе и изложила свои требования. Ее интересовала поездка на Урал, проходившая по разделу «экстремальный туризм».

Алла Бояшко наморщила лоб и застучала по клавишам компьютера. Через какое-то время, которое для Александры тянулось бесконечно медленно, она сказала, что этот тур организует уральская фирма «Олеандр-плюс» и сейчас она с ней свяжется. Минуты тянулись как часы.

Переговорив с Уралом, Алла Бояшко сообщила Александре, что группа набрана, но вроде бы один человек отказался от поездки, что еще точно не известно. И если будет место, то ей перезвонят. Нужно только оставить свой телефон и координаты.

– Александра Волгина, – сказала Александра севшим от волнения голосом. – Мой телефон...

– Я вам перезвоню, как только ситуация прояснится. Будем надеяться на лучшее.

– Держите меня в курсе.

– Конечно. Обязательно.

Александра вышла на улицу, где по-прежнему моросило. Это было форменное безобразие – ни снежка, ни бодрящего холода. Интересно: как скоро позвонит ей Алла Бояшко и будут ли места в этом туре? У нее пересохло в горле: почему-то самым важным в жизни стало – попасть в эту группу и в этот тур и побывать в тех местах. Она остановилась и подняла голову к небу, как будто бы просила об этом того, кто там, незримый, наблюдал за ней и взвешивал на беспристрастных весах свое решение по данному вопросу.

Алла Бояшко позвонила на следующий день.

– Место есть, – сказала она. – Все для вас сложилось весьма удачно. Вам нужно подъехать и оплатить.

– Я сейчас, – откликнулась Александра. – Через час подъеду.

С очередной работы она уволилась месяц назад, так что времени у нее было навалом.

Оплатив тур и держа в руках путевку, она словно не верила, что ее судьба отныне заключается в этом клочке бумаги. Лильке скажу завтра, решила Александра. Еще непонятно, как она к этому отнесется.

Лилька отнеслась плохо. Она долго молчала в трубке. Так что Александра подумала, что связь прервалась, но потом раздалось легкое дыхание-посвист.

– Ты уверена, что поступаешь правильно?

– Уверена. Лиль! Это мое осознанное решение, и менять его я не стану.

– А я – нет. Я, в конце концов, ответственна перед тетей Верой и дядей Геной! – закричала Лилька.

Александра в первую секунду и не поняла, что «тетя Вера» и «дядя Гена» – ее мать и отец, а когда поняла, то чуть не задохнулась от возмущения.

– Я не маленькая, и ты мне не родственница. – Так жестко она с Лилькой никогда не говорила. Но если что – Александра могла быть жутко упрямой.

– Сань, – голос Лильки стал жалобный, – к чему тебе все это? Беречь старые раны? Осталась бы дома...

– Нет. Лиль, я хочу там побывать. Это как память... – Голос ее дрогнул. – И прошу, не отговаривай меня. Я тебя люблю, Лилька, не сердись, – скороговоркой проговорила Александра.

– Ладно, еще созвонимся, – раздалось после недолгого молчания. – Пока. Меня Кирилл ждет.

Александра понимала, что по большому счету Лилька права, ворошить старое не стоило. И вообще, что-то мешало ей закрыть эту страницу, отрыдаться-переболеть и жить дальше. Словно черный ком был внутри и порой не давал ни распрямиться, ни вздохнуть... «Может быть, если побываю там, – прошептала Александра, – этот ком уйдет».

Она подошла к балконной двери и прижалась лбом к стеклу. Только не хватало ей еще ссориться с Лилькой, единственным близким ей человеком; если подумать, она совершенно одна в этом мире, если вдруг завтра исчезнет – никто о ней и не вспомнит. Даже хоронить ее придется Лильке, больше просто некому, цинично подумала Александра.

На другой день с утра она позвонила Лиле и постаралась сгладить вчерашнюю ссору, но, похоже, та уже об этом забыла. Она отвечала рассеянно, думая о чем-то своем. У Кирилла назревал контракт с американской компанией, и нужно было утрясти какие-то дела. Они договорились созвониться перед поездкой. Кирилл заедет за ней и отвезет их всех в аэропорт.

Александра хотелось обсудить с Лилькой, что брать в поездку и какие-то другие моменты, но та быстро распрощалась с ней.

Умом Александра понимала – Лильке не до нее. Самой нужно все решать и обо всем думать.

В конце концов, твоя жизнь – это твоя проблема, а не чья-то еще...

Александра хлопотала, колдовала над рюкзаком, запихивая туда, как в волшебный мешок, вещи и предметы по двум спискам. Один она составила сама, другой ей дали в турагентстве. Собственный список включал: две пары теплых носков, три свитера, теплые штаны, элагантные брюки, единственное вечернее платье – все-таки на носу Новый год, мощный фонарь, теплое нижнее белье, игрушечную фигурку Деда Мороза, фотоаппарат, три толстые свечи, аптечку...

Александра старалась не принимать лекарства, только в случае крайней необходимости. Но сейчас она понимала, что без средств «первой необходимости» не обойтись. Пластырь, болеутоляющие, жаропонижающие. Она вышла на кухню и задумалась. До поездки оставалось два дня.

В список, полученный в агентстве, входили рулон прочных полиэтиленовых пакетов, компас, коробка сухого спирта, охотничьи спички, складной набор (нож, вилка, ложка, консервный ключ), спиртовая горелка, металлический термос, капроновый шнур, изолента, лейкопластырь, резиновый жгут, мазь для лыж, солнцезащитные очки. Было дано примечание, что в случае необходимости недостающие предметы они могут получить в гостинице за дополнительную плату, но все-таки рекомендовалось собрать «туристический набор» самим.

Приходилось делать вояжи в магазины и закупать нужные для поездки вещи. Из очередного похода в магазин Александра возвращалась поздно. Погруженная в собственные мысли, она не сразу заметила темный силуэт, отделившийся от гаражей, стоявших на небольшом пустыре. Когда силуэт был уже совсем близко, она вскинула голову и пыталась сообразить, что делать. И только когда на нее надвинулись почти вплотную, поняла, что совершила оплошность, нужно было идти более длинным путем – окружным, обогнув пустырь. Теперь было уже поздно.

– Деньги? Кошелек? – вырвалось у Александры почти машинально.

В ответ было молчание. По телевизору и в газетах предупреждали о том, что накануне Нового года нужно быть особо бдительными; всюду орудуют карманники и грабители, помня о том, что именно в это время народ отчаянно отоваривается подарками и гостинцами, а также совершает покупки, пользуясь заманчивыми скидками. В кошельке у Александры было три тысячи рублей, и она собиралась сама предложить их этому воришке, когда точно рассчитанным ударом он сбил ее с ног. От неожиданности она вскрикнула, но в самый последний момент перед падением успела сгруппироваться, как учил ее отец, и, уже падая, ощутила резкую прон-

жившую ее боль, правда, не такую сильную, как это можно было ожидать... И она страшно выругалась...

Где-то рядом раздалось шуршание шин подъехавшей машины, и спустя минуту она услышала:

– Вам плохо? Вы идти можете?

Мужчина и женщина вышли из автомобиля и подошли к ней. Александра огляделась вокруг.

– А этот где?

– Кто? – спросил мужчина.

– Тот, кто на меня напал. Где он?

Мужчина и женщина переглянулись.

– Никого нет. Мы не видели, – добавила женщина, склонившись над Александрой. – Мить! Помоги встать, похоже, женщина стесняется попросить о помощи.

Они помогли Александре добраться до дома, и там она без сил рухнула на кровать. Нога сильно болела; сумеет ли она поправиться до похода? Оставалось всего два дня.

Глава вторая

Талисман моряков и путешественников

То, что опасность воображаемая, не делает её менее реальной: воображение действует на человека столь же реально, как сила тяжести.

Джеймс Джордж Фрезер. «Золотая ветвь»

Дни, оставшиеся до поездки, были заполнены сборами. Александра покупала вещи, которые ей понадобятся в туре и лыжном походе, постоянно заглядывая в список, который она носила с собой. Список ей дали в турагентстве вместе с путевкой и программой. Алла Бояшко, вручая путевку и материалы, пожелала ей «счастливого отдыха». При этом она добавила, что «Глобал Тур Инвест» всегда будет рад помочь выбрать интересное путешествие.

Список был длинным.

Александра достала с антресолей старый рюкзак, с которым ходил в походы еще ее отец, и стала укладывать в него вещи по списку.

Когда она доставала рюкзак, в глубине антресолей увидела какой-то черный пакет. Она подцепила лыжной палкой пакет и потянула на себя. Сверху пакет уже покрылся сероватым налетом пыли. Она редко заглядывала на антресоли, а тот угол вообще не ворошила с тех пор, как погибли родители.

Страхнув пыль, она заглянула внутрь пакета. Там лежала гладкая черная папка. Она открыла ее и увидела небольшую тетрадь. В тетради мелким почерком отца были сделаны какие-то записи и рисунки, чертежи. Многое было написано карандашом, эти записи уже выцвели и были видны с трудом. В середину тетради была вложена карта; Александра бегло осмотрела ее – на ней были изображены места Северного Урала – места, куда она собиралась ехать. Немного поколебавшись, Александра сунула папку в рюкзак: вдруг пригодится.

Раздался телефонный звонок. Александра слезла с табуретки и пошла на кухню. Звонила Лилька, она обещала с Кириллом заехать за ней, и тогда они все вместе поедут в аэропорт.

– Только будь уже наготове, Кирилл не любит ждать. Запиши где-нибудь, что мы приедем ровно в десять часов. Запиши в свой деловой блокнот или органайзер, слышишь, Сань!

Александра хотела сказать, что у нее нет ни делового блокнота, ни органайзера, но промолчала. Ровно в половине десятого она уже сидела с вещами в коридоре и ждала подругу с женихом. Стрельнуло в ногу, и она поморщилась. Все эти дни нога побаливала, хотя она мазала ее разными чудодейственными мазями, растирала и массировала. Больше всего Александра боялась, что больная нога подведет ее на лыжне, когда они выйдут в поход. «Вот ведь не повезло, – подумала она, – в такой момент подвергнуться нападению грабителя. А если бы он нанес мне серьезные травмы?» Она передернула плечами, думать о этом совсем не хотелось.

Без пяти десять в дверь раздался звонок. Лилька всегда звонила, не отнимая пальца от звонка, как будто бы сердилась, что дверь не распахивается сразу же.

Александра открыла дверь, и в уши ударил тоненький Лилькин голос:

– А вот и мы-ы-ы-ы! Где твое «Добро пожаловать!», «Велкам», как говорят у нас в приличных домах Европы и Америки.

– Ты уже во всех частях света отметилась.

– Да, она такая, – пробасил мужчина, стоявший рядом, и поправил очки. – Птичка перелетная.

– Кирилл, ты что, – толкнула его в бок Лилька. – Не порти мою безупречную репутацию.

– И не подумай. Всем она известна, и испортить ее никто не может по определению.

Они перебрасывались шуточками, словно не обращая внимания на Александру, и на минуту она почувствовала легкий укол одиночества.

– Ладно, закроем тему, – сказала Лиля. – Кстати, вы еще даже и не познакомились. Это – Кирилл. Мой жених.

– А вы – Александра, – подхватил мужчина, беря ее за руку. Его рука была теплой и большой. – Мне о вас эта ветреная особа рассказывала.

Александра посмотрела на Кирилла. Ему было около сорока. Вид добродушного медведя, полные губы, умный пронизательный взгляд. Александра почему-то думала, что Лилька выберет себе какого-нибудь мачо. Ан нет, простой парень, хотя впечатление всегда обманчиво. Особенно первое...

– Ну что, девочки, выходим из дома?

– А присесть на дорожку? – обрушилась на него Лилька. – Наша исконно русская примета.

– Исконно-посконная! Полжизни провела в Европах, а все за приметы цепляешься!

– Ага! – Лилька прищурилась. – Мне так легче. Вроде все сделала правильно. Так как надо.

– Молодец! Правильная умная девочка, – и Кирилл погладил Лилу своей рукой-лапицей по голове...

Она, как упрямый бычок, мотнула головой и высвободилась от его прикосновения.

– Не надо, – сказала она сквозь зубы...

Кирилл с шумом выдохнул.

– Ну, тогда что? Присядем? Где сидеть-то? Прямо на полу?

– Я сейчас принесу табуретки из кухни, – всполошилась Александра. Она было метнулась в кухню, но затем махнула рукой: – Да ладно. Проходите прямо в комнату, не разувайтесь.

Александра села на стул, а Лилька с Кириллом опустились на диван. При этом Лилька сжала губы в тонкую ниточку и застыла, глядя прямо перед собой.

– Ну что, в путь! – Кирилл встал, в нем было почти два метра роста. – В путь-дорожку? Лилька рядом с ним была маленькой и хрупкой.

– Едем, – проворковала она и прижалась к жениху. – Ты у меня самый-самый...

Александра подошла к окну, чтобы напоследок проверить балконную дверь: плотно ли она ее закрыла, и застыла в изумлении. Как по мановению волшебной палочки на улице прекратило моросить, и с неба начал падать мелкий горох, именуемый в народе манной крупой! Но это было лучше, чем дождь, который обволакивал все существо противной липкой пеленой, как это было в последние дни.

– Ну что? Поехали? – прогудел Кирилл. – Если вдруг пробки – можем не успеть в аэропорт.

На улице манная крупа падала с неба, как будто бы кто-то тряс рукавом, и она вылетала неравномерными порциями; ветер кружил горошинки и швырял их в лицо.

– Забыла крем от мороза, – вполголоса сказала Лиля.

– Сойдет и обычный крем.

– Но там лучше защита от холода... А то лицо пойдет красными пятнами. Ладно, куплю в аэропорту.

Пока Кирилл заводил джип, Александра с Лилей стояли на месте и пританцовывали, чтобы согреться. Заметно похолодало.

– Скоро Новый год, – негромко сказала Лилька, поднимая голову к небу. – Обожаю этот праздник. Всегда ждешь от него чего-то нового, необычного... – И она повернулась к Александре.

Та хотела сказать, что она уже ничего не ждет от праздников, а живет скорее по инерции, но промолчала. Каждый день был похож на другой – длинная череда одинаково похожих дней.

Машина завелась, они нырнули внутрь, где было тепло, пахло нагретой кожей и кофе.

– Мы только что из «Старбакса», – подтвердила Лилька. – Кофейком согревались. Ой, что же мы Саньке забыли кофе взять?!

– Обойдусь.

– Это мы виноваты, растяпы. Черствые, невнимательные, эгоистичные люди.

– Эка ты загнула, – покачал головой Кирилл. – Прямо злодеи в натуре. – Он помолчал, а потом добавил: – Трогаем? Навстречу экстриму и приключениям!

– Не знаю, – негромко сказала Лилька. – Что нас там ждет?

– Сама захотела – вот и получай. Могли бы поехать в более теплые края.

– Я? Это все ты – «поехали да поехали... Новый год встретим в зимнем лесу».

– Не припомню такого.

– А я помню, я все помню, – протянула Лилька. – Не надо из меня теперь беспамятную делать...

– Ну, спорить с женщиной – себе дороже, так что не буду и пытаться. Пусть я во всем, старый пень, буду виноват. Согласен и на это. Чего не сделаешь ради любимой женщины!

Джип тронулся с места...

– Интересно, что нас там ждет? – тихо сказала Лиля. – Как представлю милую дружескую вечеринку перед Новым годом, треск поленьев в камине, за окном – ночь, снежинки, сугробы...

– Это она текст рекламного буклета репетирует. – Кирилл обернулся к Александре и подмигнул ей. – Будешь выступать перед остальными членами группы на импровизированном капустнике.

– А что? – оживилась Лилька. – Надо же будет новогоднюю программу отрепетировать. Кирилл, это класс!

– Только увольте меня от выступления в роли Деда Мороза.

– Здесь вообще-то без вариантов. Я буду Снегурочкой...

– Давай сначала доедем до места назначения. Еще неизвестно, как отнесутся другие члены группы ко всем твоим планам. Может быть, резко отрицательно.

– Хорошо отнесутся. Праздники все любят.

– Поживем – увидим.

– И поживем, и увидим, – многозначительно сказала Лилька, понизив голос.

Александра искоса посмотрела на Лильку. Похоже, она была в приподнято-романическом настроении и уже нарисовала себе заманчивую картинку: двое сидят перед камином в уютных креслах, а за окном – зимний рай, воплощенный в ночном звездном небе, елях и сугробах по пояс. Хорошо, что она уgomонилась, и теперь у нее впереди – семейная жизнь с Кириллом, таким надежным и спокойным. Он будет хорошо уравнивать легкомысленную взбалмошную Лильку. У этих ребят все будет хорошо. Александра почувствовала легкую грусть и устала в окно: вечерняя Москва проплывала за ними, нарядная, похорошевшая в ожидании Нового года. Александра не любила этот праздник, она всегда ощущала в это время смутную тоску. Когда все веселились, планировали праздник, покупали подарки родным и близким, собственное одиночество высвечивалось особенно ясно и беспощадно. Когда была Буська, было не так тоскливо. Александра обычно покупала в магазине готовые салаты и курицу гриль, красное вино. Но она никогда не покупала новогодний напиток – шампанское. Пить его в одиночестве казалось ей верхом идиотизма. Шампанское – напиток романтический. Его пьют вдвоем, не отрывая друг от друга взгляда, а потом одни губы встречаются с другими... Выпив бокал красного вина, Александра ложилась спать еще до наступления Нового года, провожаемая укоризненным взглядом Буськи. Александре казалось, что собака не одобряет ее

равнодушия к этому празднику. Вот так, Бусь, обычно говорила она перед тем, как погасить свет, еще один год пролетел. Что будет в новом? Почему-то кажется, что ничего хорошего...

Здесь Буська поднимала вверх одно ухо и заливалась лаем.

«Дура ты дремучая, – слышалось Александре в этом лае, – дремучая и замшелая. Вышла бы ты из своей скорлупы на свет божий и встретила бы хорошего человека. И все было бы у тебя по-другому».

– Все Бусь, – здесь Александра ее одергивала, – хватит. Не учи меня жить...»

Но собаки уже нет. И Новый год стал совсем тоскливым мероприятием, о котором хотелось забыть еще до его наступления...

Снег усилился. Снегоочистители работали без устали, их ритмичное постукивание успокаивало. «Все будет хорошо, – подумала Александра, – непременно».

Она посмотрела на Лильку. На секунду, перед тем как тень упала на ее лицо, Александре показалось, что на нем застыло выражение досады. Может быть, правда, подумала она, Лилька не хотела туда ехать, но Кирилл ее уговорил. А на самом деле она мечтала отдохнуть где-то в теплых краях, где солнце, море и тепленький песочек... А теперь уже все, поздно. Ничего не перепишешь и не переделаешь.

Около аэропорта их встретил друг Лилькиной семьи, который забрал ключи от джипа и сказал, что оставит его у себя в гараже, пока они не вернутся. Джип Кирилл взял в аренду на три недели, именно этот срок они собирались провести в Москве.

После регистрации подруга с женихом устремились в магазины и бутики; Лилька собиралась купить что-то. Александра отказалась присоединиться к ним. Ей хотелось просто посидеть в каком-нибудь кафе и расслабиться перед полетом.

Александра увидела кафе-бар немного в стороне от магистралей, протоптанных пассажирами, и направилась туда. Там царила мягкая полутьма, полностью была освещена только барная стойка. Александра заказала крепкий кофе с молоком и выбрала дальний столик в углу.

Заиграли что-то бесконечно грустное – фаду, португальскую печаль. Пела Мариза, Александра узнала голос, потому что иногда слушала ее песни. Эти пронзительно-щемящие мелодии находили отклик в ее душе. Александра сидела, уткнувшись в чашку с кофе, а когда подняла глаза, то увидела у барной стойки мужчину. Черная кожаная куртка, брюки цвета хаки, свитер светло-шоколадного оттенка, ежик русых волос, трехдневная щетина и колючий взгляд, метнувшийся по столикам. В нем было нечто, от чего у Александры перехватило дыхание, может быть, дело было в этой пронзительно-печальной мелодии, рассказывающей о разлуках и расставаниях. Может быть, в свете, придававшем всему оттенок легкой нереальности, или в самой фигуре, сжатой как пружина и почему-то внушавшей чувство опасности, – трудно сказать. Время словно остановилось, и Александра чувствовала глухие толчки сердца. Она сглотнула и поднесла чашку кофе к губам. Прищурилась. Внезапно мужчина бросил взгляд в ее сторону, и она испугалась. «Не слишком ли я пялюсь на него, подумает: сидит одинокая женщина и пожирает глазами мужчину, забредшего в кафе». Она рассердилась на саму себя и, достав сотовый, уставилась на экран дисплея, чтобы чем-то себя занять. Но тем не менее несколько раз украдкой Александра посмотрела на него. Он заказал пиво и сэндвич и сел, выбрав столик почти напротив нее. Теперь она видела, как он ест. Во всех его движениях было ощущение силы, властности и уверенности в себе. И еще спокойствия. Но в отличие от добродушного спокойствия Кирилла это спокойствие было и обманчивым. Как у зверя перед прыжком, который своим напускным равнодушием хочет просто обмануть жертву. «Чертовски хорош мужик! – подумала Александра. – Этакий герой в стиле Клайва Оуэна. Мужественный, сильный. Раньше я думала, что такие мужчины бывают только в кино, оказывается, иногда они

еще случайно забредают в аэропорты. Как перелетные птицы, побудут немного здесь и полетят дальше...»

Ел он не спеша, сосредоточенно о чем-то думая. Пару раз он поднял голову, обводя зал взглядом, и снова погрузился в свои мысли.

У мужчины были крупные красивые руки. Александра всегда обращала внимание в мужчине прежде всего не на глаза, лицо или фигуру, а именно на руки. Когда она смотрела одинокими вечерами какой-нибудь фильм, то при появлении главного героя ее внимание приковывалось к рукам. Они ей говорили о многом – надежности, силе, влюбчивости или холодности натуры. Длинные артистичные пальцы свидетельствовали о том, что мужчина – увлекающийся и ветреный, плотные пальцы средней длины – о заботе и внимании, широкая ладонь с крупными костяшками – о бесстрашии и размахе. И о том, что мужчина, скорее всего, однолюб. Как ни странно, ошибалась Александра редко. К концу фильма все пороки или достоинства героя выходили наружу, и Александра убеждалась в том, что ее вывод верный.

Но сейчас Александра вдруг поняла, что не в состоянии ничего анализировать; у нее было одно желание – подольше смотреть на эти руки. Она пила кофе небольшими глотками, смотря на мужчину и только изредка переводя взгляд на других людей и предметы, чтобы со стороны ее пристальное внимание все-таки не бросалось в глаза. И вот когда Александра в очередной раз уставилась на предмет своего внимания, мужчина, словно почувствовав ее взгляд, резко вскинул голову и посмотрел на нее. Он смотрел серьезно, почти строго, как будто бы вопрошал, что ей от него нужно, потом отвел взгляд и тут же, через одно мгновение, снова полоснул ее своими непроницаемыми глазами. Похоже, что в них горело мрачное пламя. Это было уже слишком для Александры. Сердце взмыло вверх. А потом понеслось вниз, по кочкам и колдобинам, как по американским горкам. Она уткнулась в чашку с кофе и, обнаружив там белое дно, поняла, что кофе она уже допила, ей нужно встать и покинуть кафе. Сколько она может сидеть перед пустой чашкой?

И здесь залился трелью мобильник. Звонила Лилька.

– Ты где? – прошептала она. – Мы тебя ищем-ищем. Куда пропала? Скоро уже посадку объявят. А тебя нет.

– Сiju в кафе, – негромко ответила Александра.

– Мы все покупки уже сделали, ждем тебя в зале вылета. Встретимся там. Не опаздывай!

– Я скоро буду. Ждите.

Александра положила на столик трубку медленно, осторожно, словно боялась, что та взорвется от ее прикосновения. Она вдруг ощутила, что не хочет нарушать атмосферу, сложившуюся в этом кафе: ни разговором, ни резким движением. Это было пространство, поглотившее ее целиком, пространство, где разливалась, выходя из всех берегов, музыка, где мужчина с крепкими, отточенными ветром, морем, дальними странствиями пальцами, никуда не торопясь, ел, а она замороженно смотрела на него...

Но нужно было идти. Прогоняя минутное наваждение, это полное и окончательное помутнение, Александра встала и задела стул, который с грохотом упал на пол. Взгляды всех сидящих в кафе обратились на нее. Она почувствовала неловкость и, поспешно нагнувшись, подняла стул. Но в этот момент рукой она случайно задела чашку и та покатила по столу, Александра успела остановить ее, придержав рукой, прежде чем та упала на пол и разбилась. «Ну я и растяпа», – подумала она с досадой.

Она шла к выходу, ощущая, как горят ее щеки. В больной ноге пару раз неприятно стрельнуло. Александре казалось, что мужчина смотрит ей в спину, но, наверное, только казалось, потому что совершенно невероятно, чтобы такой редкий экземпляр мужской стати обратил на нее внимание. Скорее сидит и удивляется ее неуклюжести и неловкости. И вслед ей неслась мелодия фаду, словно подтверждая мысль о том, что жизнь – это сплошные расставания и разлуки. А любовь если и случается, то вскоре рассеивается, как мираж и сон.

Лилька и Кирилл сидели в зале вылета и, увидев ее, дружно взмахнули руками. Александра направилась к ним, стараясь не задеть катящиеся мимо нее чемоданы и сумки на колесах.

– Ой, мы уже думали, что ты где-то застряла, сидишь в баре и глушишь преспокойненько себе виски или коньячок потягиваешь. Я уже собиралась отправить Кирилла, чтобы он схватил тебя в охапку и приволок сюда. Сань! – Лилька внимательно посмотрела на нее. – Ты чего, Сань? Что случилось?

– Ты о чем, Лиль? – не поняла Александра.

– Ты словно светишься изнутри, а щеки горят. Познакомилась с кем?

Александра поставила рюкзак рядом с Лилькиными вещами, приложила ладони к щекам – и правда они горели. Вдох застрял где-то посередине груди. Она досчитала до пяти, а потом ответила.

– Чего ты себе напридумывала? Просто сидела в кафе пила кофе. И всех делов-то. А ты всполошилась.

– Я просто за тебя волну-у-ю-сь, – вытянула губы трубочкой Лилька. – Ты же мне не чужая.

– Я тоже, надеюсь, тебе не случайный прохожий, – вставил Кирилл, – потому что ты уже целый час игнорируешь мой вопрос: взяла ли ты фотоаппарат?

– Взяла, – отмахнулась Лилька.

– И зарядник к нему?

– И зарядник.

– Чудеса! Моя безалаберная невеста проявила аккуратность и собранность.

– Я не безалаберная... – вспыхнула Лилька. – Просто иногда ты меня не так понимаешь...

Кажется, назревала семейная ссора, и Александра выставила вперед руку.

– Не ссорьтесь. К чему это? Лиля у нас вполне аккуратный человек. Ответственный и дисциплинированный.

– Как я понимаю, уважаемая Александра, вы с Лилей виделись не очень часто. А вот я имел счастье лицезреть ее каждый день какой-то период времени и поэтому знаю ее как облупленную.

– Ну уж дудки! – отрезала Лилька. – Как облупленную меня никто не знает. Должна же быть в женщине какая-то загадка?!

– Ладно. Сдаюсь. – Кирилл поморщился. – Глупое выяснение отношений на пустом месте. Ты чего ершишься, Лилек? Такая колючая стала в последнее время. Что с тобой творится, маленькая? – И он шутливо притянул ее к себе.

Александра посмотрела на Лильку – ее била дрожь.

– Н-не знаю. – Ее зубы выдавали дробь. – Что-то нашло.

– Нашло-прошло. Брось! Нас ждет замечательный Новый год в замечательном месте.

– Точно, ой, – вплеснула она руками. – Я совсем забыла о покупках. Вот они. – Она достала из большого пакета два шарфика – ярко-оранжевый и розовый. Розовый она повязала себе на шею, а оранжевый накинула на Александру.

– Нравится? – повернулась она к Кириллу.

– Позитивненько. Будете как снеговички, – откликнулся он. – И заметно издалека. В походе полезно.

Вслед за шарфом из пакета вынырнула большая керамическая кружка с улыбающимся заросшим мужиком, похожим на лешего, с надписью «Темыч».

– Что за Темыч? – удивилась Александра. – Какой «Темыч»?

– Это кружка такая прикольная. Я как увидела, так и решила купить. В походе кому-нибудь подарю. У нас же будут подарки на Новый год делать. А я кому-нибудь кружку эту вручу. У нее этот... как это там... походный антураж. Вот! Еще мешочек есть для подарков.

Она была явно довольна собой, щеки покраснелись, а глаза довольно сияли.

– И вдобавок вот, – из сумки выпорхнула, зазмеилась с легким шуршанием серебристо-синяя елочная гирлянда, а потом в руках у Лили оказались две небольшие фигурки – Дела Мороза и Снегурочки. Лили вынимала из пакета предметы и показывала Александре.

Та даже не стала спрашивать, зачем в походе нужны ароматизированные мешочки, декоративный кинжал, кружка «Темыч», свечка в виде Эйфелевой башни и набор матрешек. Наверное, Лиле было виднее.

– А вот еще... – и напоследок она достала из пакета круглый медальон.

– Что это?

– Талисман моряков и путешественников. Мне он сразу приглянулся. На благополучное завершение нашего похода. – Она повертела в руках медальон и протянула его Александре. – Нравится?

Та внимательно посмотрела на него.

– Интересная вещь!

– Мне тоже нравится.

Она подбросила медальон вверх и поймала его.

А потом убрала обратно в пакет.

– Нет. Лучше повешу его на шею.

Убрав все вещи обратно в пакет, Лили повернулась к Александре:

– Я отлучусь ненадолго. Схожу в дамскую комнату.

Оставшись одни, Александра и Кирилл молчали. Наконец Александра нарушила паузу:

– Вы где будете после свадьбы жить?

Кирилл ответил неохотно:

– Пока не знаем. Сначала нужно с работой толком определиться...

– Да, Лили говорила, что у вас есть привлекательные контракты с западными компаниями.

Кирилл, очевидно, не хотел говорить на эту тему и промолчал. Александра его понимала: некоторые люди не говорят о будущих перспективах из чувства чистого суеверия. Вдруг на кону крупный контракт, и лучше всего, если об этом до поры до времени никто знать не будет. Когда все решится – тогда уже можно и объявить о состоявшейся сделке...

Вернулась Лилька. Она была напряжена и взволнована.

– Представляете! – сказала она, почему-то оглядываясь. – Ко мне подходила цыганка.

– Цыганка? – изумился Кирилл. – Откуда здесь цыгане? Тебе, наверное, почудилось. – Он хохотнул и повертел головой, но тут же осекся под взглядом Лили.

– Не смейся, – шепотом сказала она. – Все это очень и очень серьезно. Это была настоящая цыганка, – и она обернулась, словно кто-то мог их подслушать. – Она взяла мою руку и стала гадать. И нагадала, что все закончится большой бедой. Мы не должны ехать туда.

– Чушь! – резко перебил ее Кирилл.

– Не чушь. – Александре показалось, что Лилька чуть не плачет. – Она все сказала правильно; сказала, что ты учился в институте, но бросил и перешел в другой. И что твое любимое варенье – вишневое, ты можешь его есть целыми банками.

– Но постой! – поразился он. – При чем здесь я? Гадала-то она тебе.

– Ну да, мне! Но она сразу сказала, что я – невеста и мой жених – замечательный парень. И потом она перешла к тебе. Представляешь? Все выложила как есть. Это – настоящее ясно-

видение. Не какое-то там фуфло несчастное. Разве можно, не зная и не видя человека, вот так все и определить?

С ходу?!

– И где она теперь?

Лиля вытянула шею, словно пытаясь кого-то разглядеть в толпе.

– Была здесь. Совсем недавно.

– Она поймала тебя в толпе? Прямо здесь в аэропорту? – не поверил он.

– В туалете, – упавшим голосом сказала Лиля. – Я зашла в туалет, и когда мыла руки, увидела ее. Она стояла рядом и смотрела на меня. Не сводя глаз. Я даже испугалась, такой пристальный взгляд. И здесь она предложила погадать. Я ничего не успела сказать, как она схватила мою руку и стала говорить. И все это правда... – В голосе Лили звучали слезы... – Я отдала ей деньги и убежала.

Александра неожиданно вспомнила о нападении около гаража. Какая-то неясная мысль мелькнула в голове и пропала. Лиля, конечно, существо впечатлительное, эмоциональное... Наверное, цыгане вычисляют таких людей и разводят их на деньги.

Объявили посадку, они пошли к трапу самолета, при этом Кирилл шел впереди, а Александра с Лилей сзади.

– Тебе не страшно? – неожиданно спросила ее Лилька.

Александра пожала плечами.

– Нет.

Александре уступили место у окна. Она сразу задремала, проснулась, когда разносили еду, потом снова провалилась в сон. Лиля растолкала ее, когда самолет садился на полосу екатеринбургского аэродрома.

– Прилетели? – пробормотала Александра, выныривая из тяжелой дремы. Голова была как ватная, а во рту – неприятная сухость.

– Прилетели! – откликнулся Кирилл. – Всем подъем и к выходу.

* * *

Когда они вынырнули из стеклянных дверей екатеринбургского аэропорта, то натолкнулись взглядом на плакат с надписью: «Олеандр-плюс». Тоненькая девушка в черной короткой дубленке и джинсах в обтяжку держала плакат, притопывая от мороза. Рядом с ней стояла небольшая группа людей с лыжами в руках и с рюкзаками за спинами.

– Привет! – бросил Кирилл, первым подходя к группе. – Вот и мы. Будем знакомы. Я Кирилл, это моя невеста – Лиля. А это наша хорошая знакомая Александра.

– Я Вероника, – сказала девушка с плакатом. – Представитель фирмы. Мне нужно всех вас собрать и доставить к месту назначения.

– Иннокентий, – сказал плотный мужчина невысокого роста лет тридцати с небольшим. Он был одет в темно-зеленую куртку и черную вязаную шапочку. У него было широкое лицо и глубоко посаженные глаза. И широкие плечи, про таких раньше говорили – «косая сажень».

– Игорь, – представился молодой парень высокого роста с жидкой бородкой, на щеке его был виден едва заметный шрам. Глаза – зеленые, а кожа с легкими веснушками.

– Дмитрий Слюсарев, студент Петербургского университета! – бойко отбарабанил молодой человек, широко улыбаясь. Между зубов была видна легкая щербинка. Он часто вертел головой, словно стараясь все рассмотреть. – Очень приятно, что наше общество украсили дамы. – И он отвесил шутливый поклон в сторону Лили и Александры.

Лиля поправила шапочку и кокетливо стрельнула глазами. Ее кокетство было чисто бесознательным и распространялось на всех особей мужского пола.

– Петр Васильевич, – вставил мужчина лет шестидесяти с пышными пшеничными усами. Он снял с головы шапку и тряхнул головой. Потом надел снова. – Долго ждать будем?

– Время еще есть, – Вероника посмотрела на наручные часы. – Думаю, что сейчас граждане подтянутся.

– Ждем-с граждан, – весело сказал Игорь. – И надеемся на их сознательность. Не будут же они нам портить отдых своим опозданием. Моя девушка, кстати, тоже попала в разряд несознательных, до сих пор нет.

– Что же вы свою девушку к порядку не приучили, – проворчал Петр Васильевич. – В туристической группе дисциплина прежде всего.

– Да ладно, дед, не заводись, мы знакомы совсем недавно. А вот и она. Танюх! – заорал Игорь, сложив руки рупором. – Мы здесь!

– Хам какой, – недовольно проворчал Петр Васильевич. – Если что – я буду жаловаться в фирму. Сейчас пока поднимать волну не стану – присмотрюсь, а потом поставлю вопрос на голосование. – И он погладил свои усы. Петр Васильевич стоял рядом с Александрой и говорил, как бы обращаясь к ней.

Она промолчала. Теперь она уже жалела, что поехала в этот тур. Судя по всему, эта группа – собрание разных людей, со своими характерами, гонором, привычками. А если у них конфликты будут возникать по каждому поводу?

Вероника стояла и безучастно смотрела в сторону. Вся ее фигурка и выражение лица говорили одно: «Меня все ваши разборки не касаются. Мое дело доставить вас и свалить. Дальше уж сами разбирайтесь как-нибудь без меня...»

– Таня, Танюха по-простому, – подошел Игорь со своей девушкой. – Прошу любить и жаловать.

Рыжеволосую Танюху можно было бы назвать симпатичной, если бы не обильный макияж. У нее было круглое лицо и полные, ярко накрашенные губы. Она улыбнулась и обвела группу взглядом.

– Ну что, все? Я была последней?

– Ага! – Игорь обнял ее за плечи. – Я уж думал, ты не приедешь. И страшно боялся.

– Я сама боялась за свое опоздание.

– Остался один член группы. Алексей. – сообщила Вероника. – Я получила от него сообщение. Сейчас он будет. Алексей изучает флору и фауну нашего региона. У него даже есть несколько статей в журналах и в интернет-изданиях, – с гордостью сказала она.

Высокий худой молодой человек вынырнул из-за спины какого-то толстого мужчины и остановился как вкопанный, словно не ожидал увидеть людей. У него были блекло-голубые, словно выцветшие, глаза и заметная сутулость.

– Не робей, пацан, – хмыкнул Игорь и хлопнул его по плечу. – Здесь все свои.

– Ты вообще-то уймись, – тихо сказал Иннокентий. – Не базарь!

– А ты чо, главный что ль? Командовать тут? – недовольно буркнул Игорь. Он был не в меру суетлив и выглядел эдаким рубахой-парнем, который старается стать центром любой компании.

Кирилл, услышав последние слова, встрепенулся.

– Давайте придерживаться рамок цивилизованного общения.

– Рамки мы только что прошли, – кивнул Игорь в сторону аэропорта. – Металлоискатели.

– Все в сборе? – не то вопросительно, не то утвердительно сказала Вероника и поправила свой белый шарфик. – Тогда прошу идти за мной. И не отставать.

Она задумалась, кому бы дать нести плакат, и решила препоручить его Иннокентию.

– Вот возьмите. Помогите, – при этом на него она не смотрела, и ее «помогите» было адресовано в пространство.

Ни слова ни говоря, Иннокентий взял плакат в руки и зычно сказал:

– Выступаем! – И поинтересовался у Вероники: – Далеко идти?

– Нет, ну что вы, – оскорбилась она. – Фирма всегда заботится о своих клиентах. Машина вас ждет почти рядом. Пройти всего несколько метров.

Несколько метров растянулись до четверти километра; «Газель» прикорнула у авто-страды, шофер в расстегнутой дубленке стоял рядом и смолил сигарету.

– Никандрыч, – сказала, подходя к нему, Вероника. – Не дыми. Люди подошли уже.

– А я что, не вижу? – Сигарета описала плавную дугу и полетела в сугроб, мелькнув красным маячком. – Пришли, и отличненько. Значит, трогаемся. Сначала весь ваш походный инвентарь погрузим, чтобы доставить в целости и сохранности, а потом вас рассадим. Все будет как надо.

Александра все это время молчала, ее удивило, что и Лилька была притихшей. Обычно она фонтанировала, а здесь – морщинка на лбу и сосредоточенный взгляд. Перехватив недоуменный взгляд Александры, Лилька сказала, едва разомкнув губы:

– Голова. Просто раскалывается.

– Таблетка есть?

– Потерплю. Приеду, тогда приму.

Через двадцать минут они отъехали, и Вероника бодрым голосом стала заученно рассказывать им о красотах Урала, начав с великого сказочника Бажова.

День был бело-серым, снега не было, и от этого пейзаж за окном производил унылое впечатление. Александра прислонилась к стеклу и думала, что могла бы остаться и дома. А она поехала в этот тур, повинаясь странному инстинкту. Хотя, возможно, то, что она называла «инстинктом», на самом деле – усталость от одиночества, от собственных беспросветных мыслей и желание приобщиться к Новому году, празднику, который она давно и за праздник не принимала. А она все это назвала красивым словом «интуиция». «Но ведь ты хотела поехать на место гибели родителей», – возразил ей внутренний голос. – «Да, все так, – сказала самой себе Александра. – Так что я все сделала правильно».

Под конец поездки она все-таки задремала и очнулась от того, что Лилька трогала ее за плечо.

– Приехали! Сань, вылезай.

– Вытряхиваемся, девушки, – балагурил Игорь. – Вы же не собираетесь здесь сидеть до персонального приглашения.

– Не собираемся, – тряхнула головой Лилька. – А вы, кажется, взяли на себя роль лидера? По-моему, это не ваше.

Игорь, оскалившись, собирался отпустить какую-то колкость, но здесь Вероника громким голосом поторопила их, и они высыпали из машины.

В первый момент Александра подумала, что это ей все приснилось. Сказочной красоты дом, даже не дом, а терем плыл в белом снежном пространстве, возвышаясь над елями и плавно-волнистыми сугробами. Остроконечная крыша, которую Александра раньше видела только в детских книжках, была с резьбой, резьба украшала крыльцо, окна и навес, пристроенный сбоку.

– Красотища! – выдохнула Лилька. – Вот красота-то!

– Фирма «Олеандр-плюс» старается сделать отдых клиентов качественным и разнообразным. К их услугам баня, сауна, бассейн, бильярд, каминный зал, – перечисляла Вероника. – А также трехдневное разнообразное меню и блюда русской и европейской кухни.

– Неужто из самой Европы поставляют? – хохотнул Игорь. Когда он смеялся, то обнажались неровные зубы. А бородка придавала ему едва уловимое сходство с сатиром.

– Послушайте, – громко сказала Лилька – Ваши шуточки уже всех достают. Потрудитесь вести себя прилично.

Игорь налился кровью, его челюсть с неприятным звуком клацнула, но здесь Татьяна успокаивающе похлопала его по руке:

– Ну-ну, не надо.

Он как-то разом сник, мотнул головой и сплюнул сквозь зубы в снег.

Вероника сделала вид, что ничего не заметила.

– Я сейчас представлю вас персоналу – Марье Ивановне и Николаю Даниловичу. Если есть какие-то вопросы – звоните мне, вашему координатору, Снегиревой Веронике Аркадьевне. Мой контактный телефон запишите, пожалуйста...

Все, как по команде, достали мобильники и стали записывать телефон Снегиревой Вероники Аркадьевны.

Александра скосила глаза. «В случае чего возьму телефон у Лильки», – подумала она, хотя была твердо уверена, что он ей никак не понадобится.

– Записали? Марья Ивановна даст вам ключи от комнат и познакомит с гостиницей. Позже к вам инструктор присоединится, Николай Кузичев. Хорошего всем отдыха и с наступающим Новым годом.

В ответ раздался нестройный гул голосов, среди которых выделился голос Петра Васильевича, пожелавшего удачи и побольше денежных клиентов для «Олеандра-плюс».

* * *

На крыльце их встречали Марья Ивановна – полная женщина среднего роста с добродушным лицом и Николай Данилович – худой, жилистый, похожий на цыгана.

– Здравствуйте, – распевно проговорила она, – заходите, располагайтесь, сейчас я вам все расскажу...

Друг за другом они вошли внутрь, отряхивая обувь вениками, стоявшими у стены. Там же вдоль стены они оставляли свои лыжи. Внутри пахло теплом и свежей выпечкой.

– На первом этаже у нас столовая, бассейн, бильярдная... Ваши номера – на втором этаже, наверху. Вот здесь, – показала она на деревянный щиток, – висят ваши ключи. Четные – номера с двумя кроватями. Нечетные – для одиноких. Берите ключи и проходите в номера. Ужин в девятнадцать ноль-ноль. Просьба не опаздывать, а то еда остынет.

Александра взяла номерок с цифрой «семь» и пошла наверх по широкой деревянной лестнице.

Вероника уже покинула их, дав последние наставления.

Им предстояло прожить в гостинице три дня, а потом тронуться дальше по заранее утвержденному маршруту.

Глава третья

В плену снежных снов

Иногда это происходит случайно. После долгих лет ожидания – правильного порядка планет, судьбоносной встречи, внезапного порыва вдохновения – нужные обстоятельства возникают сами собой, украдкой, без фанфар и предупреждения... Но иногда это лишь томление, нечто в воздухе, одно движение – и то, что годами лежало мертвым грузом, меняется внезапно и необратимо.

Джоан Харрис. «Ежевичное вино»

Войдя в номер, Александра почувствовала, как на нее навалилась усталость. Перелет, дорога, новые люди, новые впечатления. Раньше она жила в собственном замкнутом пространстве, а сейчас вышла из него и с непривычки чувствует утомление...

Номер был небольшим, метров четырнадцать, но уютным. Внутри была отделка деревом; кровать, застеленная белым покрывалом, манила прилечь. Она развесила вещи в шкафу и легла на кровать, чувствуя, как тянет в сон. Через три часа был ужин и встреча в каминном зале, где им нужно было обсудить разные вопросы.

Эта «повестка дня» висела на первом этаже и сразу бросалась в глаза. Очевидно, «Олеандр-плюс» таким способом организовал досуг вверенных ему клиентов. Они и договорились после ужина встретиться в этом самом зале и обсудить вопросы.

До ужина Александра дремала, а потом вскочила и стала одеваться. Она надела черные брюки и темно-синюю водолазку. Волосы, как всегда, собрала в пучок: бледные щеки, большие серые глаза, темные волосы... Когда-то ее любовник сказал, что у нее «интересная бледность».

Александра повертела головой. Обычная женщина тридцати двух лет, может быть, при других обстоятельствах и других условиях ее можно было бы даже назвать красивой... Но ни обстоятельства, ни условия не сложились должным образом, и поэтому осталась только «интересная бледность».

Ужин проходил в большом зале, где столы были накрыты белыми хрустящими скатертями с вышитой оборкой по краям. За столом вместе с Александрой сидели Лиля с Кириллом и Петр Васильевич. Еда была уже на столах.

Ужин был вкусным. Макароны с нежным воздушным мясным рулетом, греческий салат, соленые огурчики, творожная запеканка с клубничным вареньем.

Играла негромкая музыка.

Под конец ужина из-за своего стола поднялся Игорь и громко крикнул:

– Не забудьте, через час – встреча в каминном зале!

– Нудный тип, – шепнула Лилька. – Он еще создаст нам проблемы.

– Не нудный, а наглый, – поправил ее Петр Васильевич. – Нужно его одергивать и ставить на место. Иначе волю большую возьмет. Интересно, здесь можно попросить добавки? Уж больно запеканка вкусная. А вот горбулка наша – лучше.

– Что? – спросила Лиля.

– Горбулка, буханка хлеба, хлебушек по-нашему, по-уральски. Вы, чай, москвичи?

Лиля с Кириллом переглянулись.

– Москвичи.

«Европейского разлива», – подумала про себя Александра. Но об этом Лилька говорить не хочет.

– Ясненько. А я наш, уральский. Суровые у нас края и... – Немного помолчав, добавил: – Люди – тоже.

Когда все нестройной гурьбой переместились наверх в свои номера – отдохнуть перед сбором в каминной, Александра поняла, что сидеть ей в номере не хочется. Посмотрев на телефон, она увидела, что здесь есть вай-фай, и решила посидеть в каминной и дожидаться остальных там. Она опустилась в глубокое кресло, чувствуя, как блаженное тепло от огня в камине проникает в нее. Посмотрев горячие новости в Сети, Александра встала и подошла к окну. Пошел снег, он падал крупными хлопьями, около дома зажглись фонари, они подсвечивали снег мягким желтовато-сливочным светом. Перед домом была полянка с одиноко растущей елкой. К Новому году, догадалась Александра. Водить хороводы и пить шампанское. Тоже пункт, предусмотренный турфирмой. За этой елкой было пространство, а за ним плотной стеной подступал лес. Но плотный он был только на первый взгляд, если присмотреться – справа и слева отходили утрамбованные лыжни.

Послышались какие-то голоса, один из них был похож на голос Кирилла; непонятно почему, Александра метнулась к тяжелым портьерам и замерла, уткнувшись носом в ткань.

Это были Кирилл и Игорь.

– Красота! – сказал Кирилл, подходя, как поняла Александра, судя по шуму шагов, к камину. – Зимняя сказка. Сто лет о такой мечтал. А то все мотался по заграницам, а нашей настоящей русской красоты не видел. Скорее бы на лыжню и в путь.

– Три дня мы здесь.

– Знаю. Время пролетит.

– С невестой, значит, приехал.

– Да, – после легкой заминки сказал Кирилл.

– Красивая. Ты где с ней познакомился?

– Уже и не помню. В компании. – Голос у Кирилла стал напряженным. – А ты на своей девушке жениться не собираешься?

В ответ был краткий смешок.

– Я парень холостой, еще не нагулялся и свою свободу менять на тихий домашний очаг не собираюсь.

Вот так всегда, подумала Александра. Слова «домашний очаг» всегда почему-то ассоциируется с покоем и тишиной. А «свобода» должна бурлить и кипеть.

– А ты точно жениться собрался? – обратился Игорь к Кириллу. – Не передумал?

– К чему? Я давно этого хотел.

– Маладца! – хлопнул его по плечу Игорь, издав звук, похожий на фыркание. – Кому-то нужно заниматься деторождением и пополнять ряды женатиков. Уважаю. Но сам пока не готов.

– Сколько тебе лет?

– Я не баба и своих годиков не скрываю. Через три недели тридцать два стукнет. Все тип-топом. И работа, и жизнь. Все путем-чередом.

Александра подумала, что о «тип-топе» и о том, что «все чередом», как раз говорят те, кто сильно в этом сомневается, не признается в этом факте даже самому себе.

– И не нагулялся?

– Не встретил свою любимую и единственную.

– Бывает, – согласился Кирилл. – Это нелегко.

– Что «нелегко»?

– Встретить свою любимую и единственную.

Наступило молчание. Александра чувствовала себя по-идиотски. Надо бы выйти из-за шторы, но тогда странным будет выглядеть, что она до сих пор пряталась. Нужно было обнару-

живать себя раньше, а не стоять и слушать чужие разговоры, но то, что она услышала дальше, заставило ее застыть на месте.

– Как тут с охраной? – Кирилл спросил, понизив голос, так что Александра с трудом услышала его.

– Нормально. – В голосе Игоря послышалось удивление. – Как везде в таких местах. Сидят охранники в своей конуре и просматривают мониторы. Домик неподалеку, справа. Одного я даже видел на крыльце. А что? Страшилки снятся?

Возникло молчание.

– Да так, – выдал Кирилл. – Моя невеста немного нервничает. Спать стала плохо в последнее время. Да еще какая-то цыганка в аэропорту ее напугала. Сказала, что беда будет.

– Это она перед свадьбой нервничает. У меня с двоюродной сестрой то же самое было. То слезы и истерика, то смех без причины. Женщины – они такие, сплошные эмоции. Кто их там разберет, что им кажется?! Лучше и не вникать в это.

– Ладно, я пошел, – сказал Кирилл. – Пойду посмотрю, что там моя делает.

– Ты в бильярдной не был? – теперь звук был, как будто Игорь со свистом втянул в себя воздух. Вообще он был слишком шумным, слишком нетерпеливым, слишком нервным.

– Нет.

– А я – туда. Ознакомлюсь – что и как. Уважаю бильярд. Может, и партнер найдется. А нет – так один погоняю. Попрактикуюсь.

Как только мужчины вышли, Александра рванула к двери. Слава богу, все обошлось и ее никто не видел.

Времени до собрания оставалось десять минут, и Александра решила пройтись по холлу.

Большая люстра, висевшая в холле, была словно сделана из маленьких металлических шариков и напоминала застывшие водяные пузырьки. Открыв первую дверь, она увидела небольшой зал с черными кожаными диванчиками и прямоугольную площадку. Танцпол, поняла Александра. Есть где оттянуться на Новый год. Она закрыла дверь и направилась дальше. Следующей была комната с изогнутыми лежанками белого цвета. На низком деревянном столике стояла трехъярусная ваза с фруктами, керамический чайник и белые чашки с квадратными блюдцами. Между лежанками – тумбочки из дерева, стилизованные под «пни». В углу на черной подставке висела ваза с длинными сухими цветами «метелкой». Это была спальня. В стене была еще одна стеклянная дверь, но туда Александра уже заходить не хотела.

Она заглянула в бильярдную, но там никого не было. В гостинице все было сделано добротно, основательно; чувствовались продуманность и забота о туристах. Отдых сулил удовольствие и полный комфорт. Настроение у Александры, несмотря на усталость, поднялось.

Посмотрев на часы, она поняла, что пропутешествовала не пятнадцать минут, а целых двадцать. Опаздывать не хотелось, и она поспешила обратно.

В зале царил полутьма, и Александра тихонько пробралась, пригнувшись, к Лиле, сидевшей на диване. Та подвинулась, освобождая место рядом с собой.

Игорь, стоявший в центре, метнул на нее сердитый взгляд, но ничего не сказал. Судя по всему, он уже толкал спич.

– Итак, продолжаю... – Игорь взмахнул рукой.

– Вы все еще хотите выяснить, кто главный? – подала голос Лилька.

– Этого требуют интересы группы, девушка, как говорится, ничего личного.

– А группа – это вы?

– А что не так? Разве я не член группы?.

– Похоже, у нас партийное собрание, – громко сказал Иннокентий. У него был глухой голос, как будто бы он простудился.

– Собрание не собрание, а выработать программу дальнейших действий нужно, – отрезал Игорь и потер руки.

– А вы командир? – не унималась Лилька.

Свет от огня упал на Татьяну, и Александре показалось, что она плакала. Глаза были припухшими, или это игра света и тени? Хотя такого хама выдержать нелегко. Правда, у нее есть шанс соскочить с этого поезда и расстаться с ним. А вдруг это любовь? И что она, Александра, может об этом знать и судить? С ее-то куцым опытом?

Она перевела взгляд снова на Игоря. Он опустил слегка голову, словно набывчившись. Заиграли желваки.

– Командир! – с вызовом сказал он. – Надо же кому-то взять на себя функцию лидера. – Как многие нервные люди, он легко переходил от балагурства к вспыльчивости.

– «Бремя белого человека»! – негромко сказал Кирилл.

Но никто даже не повернулся в его сторону; Александре стало смешно, похоже, Киплинга здесь никто не читал.

– Лидерство нужно заслужить. – прозвучал голос Иннокентия.

– Хорошо, может быть, тогда ты возглавишь группу? – сказал Игорь, нажимая на «ты».

– Ну, тыкать, положим, не надо. Мы все тут взрослые люди и находимся в одинаковых стартовых условиях. Мы из детсадовского возраста уже вышли и помочей нам не надо, – снова сказал Кирилл. У него был спокойный голос человека, который урезонивает не в меру распоясавшегося хулигана-подростка.

Александра посмотрела на Игоря с неприязнью. В каждом коллективе обычно находится такое вот шило в заднице, которое хочет с кандачка стать главным и прямо-таки лезет на рожон. А потом при малейших признаках опасности – в кусты. Зато понтов и гонора на первых этапах – хоть отбавляй.

Все реагировали на него по-разному. Татьяна сидела, погруженная в себя, Дмитрий сидел нахмуренным, словно у него болели зубы. Понятное дело – молодой. Еще не привык к взрослым разборкам. Алексей ерзал на месте и тер виски. Александре казалось, что он вот-вот схватится за голову. «Ученый», вспомнила Александра характеристику, которую дала Алексею Вероника Снегирева, представитель турфирмы «Олеандр-плюс». Изучает флору и фауну. Сразу видно – кабинетный червь. Ботаник. Хорошо, если он хотя бы умеет на лыжах стоять. А то всякое бывает.

– Мужики! – Игорь поднял руку в знак примирения. – Не будем ссориться. Зачем? Мы здесь собрались, чтобы прекрасно провести Новый год, а затем насладиться красотами Урала. Разве не так? Мы весь год пахали как каторжные, работали не щадя живота своего, так, кажется, говорили в старину, и зачем же мы сами собственными руками станем портить себе заслуженный отдых?

– И правда, – переняла лавры мироносицы Татьяна. – Будем жить...

– Дружно, – подхватила Лиля и рассмеялась. – Мы же все друзья – ну я имею в виду на это время. Или мы будем порознь?

– Если честно, мы друг друга не знаем, – вставил Алексей. У него был высокий монотонный голос. – Нужно познакомиться и рассказать о себе.

– Как на детском капустнике, – поддела его Татьяна.

«А эта дамочка – стерва натуральная, – подумала Александра. – Под стать своему бойфренду. Трудновато с этой парочкой придется».

– Мы будем ходить гурьбой? – задал вопрос Иннокентий. – Это ни к чему. Мы приехали сюда отдыхать.

– До отдыха мы еще доберемся, – хмыкнул Игорь. – Прежде всего нам нужно разработать правила сосуществования.

– Курить можно? – поинтересовалась Татьяна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.